

Игорь Фрост

200
дней
в электричке

Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф92

Обложка *Владимира Безкровного*

Фрост, Игорь.

Ф92 200 дней в электричке. Туда... / Игорь Фрост. —
Москва : Фрост И., 2026. — 400 с.

978-5-6053228-1-8

Здравствуйте, мои дорогие читатели!

В руках у вас моя книга, раскрыв которую и нырнув с головой в мои размышления, удивитесь вы, я надеюсь, на что могут натолкнуть долгие часы, проведенные в общественном транспорте. На воспоминания, к примеру, о верной собаке Кнопке, ждущей хозяина до последнего вздоха; на продуманные советы о том, как правильно водку под холодец смаковать, или о том, как правильно в чайхане душу отогреть; а еще — на гениальные решения, как на школьном капитальном ремонте сэкономить можно. На разное...

Признаться, и сам не ожидал, что из-под пера моего выльется нечто столь разномастное и пестрое. И так вдруг получилось, что не только веселье да юмор я выдал, но и по сердцу царапнул, извлекая из глубин души то, что пылью забвения покрыто, — боль, преданность и сострадание. Много всего на свет Божий вдруг явилось, и в этой книге уютно расположилось.

Прочтите ее, я вас прошу, не спеша, и, может статься, в вас самих что-то давно забытое шевельнется, добавив к смеху слезинку, а к горестным раздумьям чуточку душевного тепла.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6053228-1-8

© Игорь Фрост, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
В ЛЮДИ	11
ИНСТРУКЦИЯ № 19	57
Как правильно добраться до Петербурга	59
Как правильно пить	125
Что такое чайхана и как ею пользоваться	189
АВТОМОБИЛЬНЫЙ ВОПРОС	239
Глава 1	241
Глава 2	252
Глава 3	290
Глава 4	298
ОДНА СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ	325
Глава 1. Знакомство	327
Глава 2. Досушие рассуждения	334
Глава 3. Обыденность и повседневность	342
Глава 4. Маленький Хозяин	352
Глава 5. И случилась однажды беда	362
Глава 6. Память	375
Глава 7. Жизнь	383
ПОСЛЕСЛОВИЕ	395

Предисловие

Случилось так, что выпало однажды на мою долю поработать в таком месте Большого Города, куда от моего собственного дома, который отнюдь не в пределах МКАД расположен, добираться в автомобиле было не просто несподручно, а практически невозможно. И не по той причине, что асфальт до той части города не проложили или автотранспорту туда проезд категорически запрещен, нет. Можно было бы, конечно, и на автомобиле, но только если полюбил бы я по три часа в одну сторону за рулем таскаться и в беспробудных пробках нервно и бесцельно жизнь свою прожигать.

Если честно, не знаю, кто вообще на такие лишения решиться может. И тем не менее, если по количеству этих самых пробок, на столичных улицах почти круглосуточно простаивающих, судить, так получается, что поклонников этого сомнительного времяпрепровождения более чем предостаточно. А иначе откуда тогда этим автомобильным столпотворениям браться бы?

Но я не полюбил. Вернее — не люблю.

Я по-другому поступил. Я оставил автомобиль дома и, пересев на общественный транспорт, отдался на волю железному расписанию электрифицированных составов электричек и метро.

Ну а что? И почему бы и нет?

Тем более в наше время, когда общественный транспорт в качестве своем и в удобстве пользования ушел настолько

далеко вперед, что приснопамятным электричкам конца прошлого тысячелетия, в которых курить, пить и справлять все виды нужды в междвагонном пространстве хоть и возбранялось, но не сильно-то и препятствовалось, даже пытаться рядом для сравнения привстать смысла не имеется совершенно никакого.

Теперь-то, в современных, и чисто, и светло, и уютно. Летом прохладно, зимой — тепло. Да и ходят они теперь, электрички современные, по такому плотному расписанию, что, опоздав на одну, уже минут через пятнадцать уедешь без всяких проблем на следующей. Удобно, одним словом. И при прочих равных так получается, что на этих самых электричках, каковые по строгому расписанию движутся, времени на путешествие тратиться куда как меньше, чем на том же автомобиле. Даже с учетом того, что электричка на каждой станции останавливается и пару минут не едет никуда.

В общем, стал и я, как и многие мои земляки, ездить в столицу нашей Родины доступным и прекрасным во многих отношениях пригородным железнодорожным транспортом.

И все бы хорошо, если бы не одно но. Скучно все это!

Изо дня в день за окнами один и тот же пейзаж сначала в одну сторону движется, а потом в обратную сторону проплывает. А по зиме, когда утро и вечер в освещении своем ничем от полуночи не отличаются, так и вовсе за окном, кроме кромешной тьмы, рассматривать нечего.

И потому, когда я поймал себя на мысли, что узнаю не только проплывающие пейзажи, но и каждое отдельное дерево мне уже хорошо знакомо, что я не только складки местности наизусть запомнил, но и скорость роста травы ежедневно замечать начал, пришел я к выводу, что себя чем-нибудь обязательно занять нужно. А иначе это не менее бессмысленное времяпрепровождение получается, что и в глухих столичных пробках торчать.

И начал я в электричке писать.

Писать обо всем, что только приходит в голову, не загруженную трудовыми проблемами и не отягощенную необходимостью следить за дорогой. Писать, совершенно не обращая внимания на то, что всё или многое описываемое никоим образом не связано друг с другом и вообще о самом разном в себе повествует. Это не важно. Важно то, что с таким занятием и без того не самый длинный путь в час с хвостиком пролетал мимо меня пулей, практически не затронув скукой и утомительным бездельем.

Так, под перестук колес сложились в слова и мои воспоминания о прошлом, и мои же рассуждения о проистекающем, и простые, но самостоятельные истории, самым неведомым образом навестившие мои пальцы, ловко бьющие по клавиатуре любимого ноутбука. Все полученное в итоге может видеться разномастным и разнообразным, единой канвой и идеей не связанным. Временами веселым, временами грустным, а иногда и с изрядной долей монотонного занудства, коего, как выяснилось, во мне с некоторым избытком. Хотя чего тут жеманничать? Я о том, что его с избытком, и сам давно знал.

В любом случае получилось так, как получилось, и пускай вся эта калейдоскопная мешанина, задумчиво-философская, въедливо-саркастичная или, как это было и раньше, разухабисто-веселая, доставит вам, дорогие мои читатели, короткое время удовольствия. Ну или неудовольствия. Это уж как кому читается.

Я же со своей стороны в который уже раз выражу вам, дорогие мои, глубочайшее уважение и благодарность за прочтение моих литературных стараний. В этот раз — путевых записок.

В люди

Вот Вы говорите: выборы, выборы... Не говорите? Нет? Ну хорошо, пусть даже и не говорите, но ведь думаете же! Всякое, конечно, себе думаете, и кажется мне, что не всегда самое хорошее.

А между тем эти самые выборы, я Вам так скажу, это ой какая вещь нужная и чрезвычайно важная. К ним, к выборам, всегда ну очень ответственно подходить требуется, а то так получиться может, что потом беды не оберешься. Один мой хороший товарищ, к примеру, всех своих жен в количестве трех штук, на которых имел счастье по очереди жениться, очень ответственно выбирал. И что вы себе думаете? Каждый раз очень удачно это у него получалось. Просто замечательные жены попадались! Он, может быть, и дальше выбирал бы, да только так теперь получается, что его самого никто не выбирает.

Да вы, для того чтобы всю важность выборной процедуры для себя понять и глубиной процесса проникнуться, хотя бы ослика Буриданова в пример возьмите.

Вот вроде серость сплошная и исключительно животные инстинкты, на врожденном упорстве замешанные да на непревзойденную выносливость помноженные. Откуда, казалось бы, у вьючной животной, вся жизнь которой — это перетаскивание неподъемных тяжестей и перевозка с места на место всего, чего только его хозяин не возжелает, такой ответственный вопрос, как выборы, вообще возникнуть может? При такой-то морде, ушах

и копытах откуда проблема выбора какого-либо возьмется и ответственности за него? Можно разве что поартачить-ся иной раз и, на излишнюю тяжесть намекая, которую с натужным кряхтением хозяин на спину навалил, ногами в дорожную пыль вращая и, благим матом о черной несправедливости проорав, попробовать с места не сдвинуться. Повыбирать то есть: идти или не идти. Ну так в итоге получишь, дорогой ты наш серый ушастик, со всего размаху по попе суковатой палкой или, того хуже, камчой и потащишь как миленький любую тонну, которую на тебе сегодня перевезти порешили.

В общем, так получается, что нет у ослов ни особого выбора, ни мук творческих при выборном процессе, каковые каждого разумного человека обычно терзают. Живи себе, казалось бы, вольной жизнью прирученного наследника лошадок Пржевальского, в ус не дуй и всякими электоральными заморочками свою и без того не самую мудрую голову не морочь. Ан нет! Не таков наш мир. Даже до ослика, товарищу Бурдану некогда принадлежавшего, сложный вопрос с выбором докатился и своей неопределенностью бедное существо мучаться заставил.

Вот уж на что осел ослом, ну так нет же, так заморочился, бедолага, что под тяжестью ответственности за правильный выбор и вовсе помер. Совершенно до смерти. Настолько, понимаешь, значимость своего решения глубоко прочувствовал и к сердцу принял, что до полного истощения сам себя довел и в голодной смерти Богу свою ослиную душеньку отдал, сердешный. Жалко его! Так всегда о нем и думаю: «Вот ведь какая жалкая скотинка! Хорошо хоть, ответственная».

Да что там ослики? Они, на проблему, из какой кучки сена в первую очередь покушать, не больше трех секунд размышлений тратить привычные, по своей разумности и скорости мышления нам, человекам разумным, ни в какие подметки не годятся. Мы любого ослика, пусть даже

в Никулинском цирке два и два складывать наученного, завсегда не в пример разумнее, а оттого, стало быть, нам без выбора и без выборов жить никак не возможно. Так уж мы устроены.

У нас в России-матушке, пусть и маленько попозже, чем в античной Греции, но все же очень сильно пораньше, чем в светоче современной цивилизации, стране под названием США, демократия со всеми ее прелестями возникла. У нас еще в 1136 году от Рождества Христова в небедном и совершенно самостоятельном Новгороде Великом на княжение, то есть на должность самого что ни на есть главного руководителя, всем народным собранием, которое непонятным словом «вече» обозвали, престольного князя выбирали и, всем народонаселением ему низко в ножки кланяясь, выбор-то, собственно, уже сотворя, приступить к исполнению княжеских обязанностей упрашивали. Политес и всенародное уважение пред свежееизбранными властью руководить соблюдали, стало быть. Культурные люди, одним словом.

И сидел такой князь, в процессе свободного и демократического волеизъявления на должность избранный, правил себе железной рукой, при всяком удобном случае в военных действиях интересы своего электората отстаивал и оказанное доверие изо всех княжеских сил оправдывал. Ну а ежели что не так, ежели народ новгородский подвох какой или недоработку за верховным правителем заметит, так опять же на то самое вече соберутся, в колокола позвонят, мнениями в шумной полемике обменяются, возьмут да и вынесут князю вотум недоверия. Вынесут, и каким бы главным он допрежь не был, по шее со всего размаха дадут и с муниципальной должности уволиться настоятельно попросят.

Вот она самая что ни на есть кристально чистая демократия и вот вам самая полная ответственность за то, что ты сам выбрать соизволил.

И такое расположение дел, я вам так скажу, товарищи дорогие, еще сильно до Новгородского вече в человеческой природе повелось. Еще в те времена все это началось, когда огонь добывали посредством грозы, питались исключительно экологически чистыми мамонтами и откушенный хобот небутилированной водичкой из любой ближайшей лужи запивали. Даже тогда, во времена те, ветхозаветные, когда дяденька-вождь был авторитетом непререкаемым и при спонтанно возникшем внутри племени споре, явись вдруг в чью-то недальновидную голову необдуманное решение с вождем поспорить, спорщика в виде решающего аргумента на ужин скушать мог, правильный выбор все одно свою решающую роль повсеместно играл.

Вот вы все того же вождя в пример возьмите. Или, если точнее быть, доводы и средства, которые тот в аргументированном споре на практике применял. А если уж совсем до мельчайшей точности снизойти, так не только вождь, но и все народонаселение, ему подчиненное, в практических целях использовало. Я про первые орудия быта сейчас говорю, друзья мои.

Ведь, по сути, так могло случиться, что из всего многообразия суковатых палок, по дикой природе разбросанных, оппонент вождевый, которого за социальную неуживчивость и неустанное желание спорить сегодня вечером под грибным соусом к столу подать планировалось, в помощь себе и в виде аргументов неоспоримых куда как большую, нежели у вождя, дубинку выберет? И побольше, и потяжелее... И что тогда? А тогда, и это скорее всего, вечером под соусом из дикорастущих шампиньонов племя не спорщика заядлого, но властью не обремененного, вкушать станет, а на сон грядущий самым племенным руководителем откушает, все диеты напрочь нарушив.

Такая перемена блюд, сопровождаемая актом передачи власти, иной раз по три раза за месяц случалась. Власть, я имею в виду, из рук в руки переходила, и нового вечного

владыку племени принося, и сытостью желудка демократического сообщества наполняя.

И все оттого, что тот, кому в этот вечер главным блюдом и украшением стола побыть честь выпала, в свое время с выбором дубинки не ошибся. Правильно выбрал, потому и не проиграл. А ведь еще Борис Николаевич, в свое время ловкие крендельки на сцене вместе с Женей Осиным выкаблучивая, весь народ заранее и по-честному предупреждал: «Выбирай, понимаешь, а то проиграешь, понимаешь!»

Да что там князья? Что там выпивоха президентствующий?

У нас на Руси-матушке даже царей, которым по статусу помазанников Божьих невыборная должность полагается, все одно пару раз всенародно на царствие избирали. Однажды избирали всей улицей: «Мишку! Мишку Романова на царствие давай!» — выкрикивая, а один раз, это когда попервой, будущего царя-вседержителя и родоначальника ответственного, до земли низко кланяясь и «Вы уж не откажите, Рюрик Годиславович» — на княжение крендельками заманивали. И ведь не ошибся народ православный! Что с Рюриком, что с Михаилом Фёдоровичем. Славно оба державой правили, только богатством и территориями некогда затрапезного княжества прирастая.

Так что, как вы сами теперь можете видеть и понимать, друзья мои, насколько тяжкая на народ ответственность ложится, когда нужно ему какое-нибудь очередное кресло начальственное попой номенклатурного дяденьки осчастливить, им же, народом, избранного.

Ну или не менее номенклатурной тетенькой это недолго пустующее кресло заполнить. А все почему? А все потому, что демократия, свободное волеизъявление и полное равенство полов. У нас вам теперь не тут! У нас теперь не Османская империя времен Сулеймана Великолепного, где женщина даже в гареме права выбора не имела. У нас